ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 2 | 2026. Volume 19. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Цифровая девиантология: основные проблемы и перспективные направления

Чудинов С. И., Соина О. С.

Аннотация. Цель исследования – определение наиболее актуальных направлений в формирующейся цифровой девиантологии в контексте анализа ряда ключевых проблем кибердевиаций (девиаций в цифровой среде). В статье рассмотрены теоретические затруднения в вопросе определения понятия «кибердевиация», ведущие теоретико-методологические подходы, интерпретирующие природу девиаций и кибердевиаций. Научная новизна заключается в обосновании новой области междисциплинарных исследований (цифровой девиантологии) и выделении наиболее перспективных направлений анализа кибердевиаций в рамках этой отрасли. В результате исследования установлено, что существующие подходы к изучению кибердевиаций излишне погружены в анализ их частных проявлений, которые слабо систематизируются и классифицируются. В статье обосновывается тезис о том, что в исследованиях кибердевиаций следует сместить акцент с индивидуальных девиантных проявлений (девиантное поведение) на рассмотрение закономерностей развития девиантных виртуальных сообществ, особенностей транслируемого ими деструктивного дискурса, а также на проблему новых девиаций, связанных с взаимодействием человека и искусственного интеллекта.

EN

Digital deviantology: key problems and promising directions

S. I. Chudinov, O. S. Soina

Abstract. The study aims to identify the most relevant trends in the emerging field of digital deviantology within the context of analyzing several key issues related to cyber-deviations (deviations in the digital environment). The article examines theoretical challenges in defining the concept of “cyber-deviation” and explores leading theoretical and methodological approaches interpreting the nature of deviations and cyber-deviations. The scientific novelty of the study lies in substantiating the need for a new field of interdisciplinary research (digital deviantology) and identifying the most promising avenues for studying cyber-deviations within this branch. The research establishes that existing approaches to cyber-deviations are overly preoccupied with analyzing specific manifestations, which are poorly systematized and classified. The article substantiates the thesis that research on cyber-deviations should shift its focus from individual deviant manifestations (deviant behavior) to the study of the developmental patterns of deviant virtual communities, the features of the destructive discourse they disseminate, and the problem of new deviations associated with human – artificial intelligence interaction.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в попытке определения магистральных линий уже сложившихся направлений в области анализа девиаций в цифровой среде и демаркации до сих пор слабо размеченного поля междисциплинарного изучения кибердевиаций в их многообразных социокультурных проявлениях.

В ниже представленном исследовании поставлены следующие задачи:

1) философский анализ понятия кибердевиации и его отличия от исходного понятия «девиация» (в контексте этой задачи мы рассмотрим, какой онтологический статус придают девиациям исследователи в различных теоретических подходах и какие в связи с этим возникают затруднения в объяснении сущности кибердевиаций);

2) выявление узловых проблемных аспектов типологии кибердевиаций;

3) определение наиболее перспективных направлений исследований кибердевиаций, связанных с необходимостью пересмотра традиционных подходов девиантологии и демаркацией возможного поля цифровой девиантологии.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260148

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

В качестве методов исследования применяются: 1) метод логико-категориального анализа, позволяющий понять соотношение категорий девиация и кибердевиация и разграничить предметное поле классической и цифровой девиантологии; 2) герменевтический метод, который необходим для выявления концептуальных оснований различных научных подходов в социальной теории и девиантологии; 3) метод типологизации, используемый в случае выявления и структуризации основных перспективных для изучения проявлений кибердевиаций.

Теоретическую базу исследования составляет междисциплинарный синтез социальной философии, философской антропологии и теоретической социологии. Для интерпретации природы девиаций и кибердевиаций применяется «абсолютистский» подход М. Клинарда и Р. Мейер (Clinard, Meier, 2008), сочетающийся с теорией социально-онтологического реализма С. Л. Франка (1992), которая критикует социальный номинализм (сингуляризм) и определяет социальное бытие как соединение механистических связей со сверхэмпирическими началами (априорная духовная связь между индивидами). При раскрытии онтологических особенностей киберпространства и виртуальной реальности в контексте проблемы кибердевиаций привлекаются социально-философские идеи З. Баумана (2008) и Д. В. Иванова (2000) и философско-антропологические концептуальные разработки М. В. Костоломовой (2020).

Практическая значимость исследования связана с демаркацией поля междисциплинарных исследований цифровой девиантологии и характеристикой наиболее актуальных направлений исследования кибердевиаций, что может содействовать в определении более точных ориентиров в области профилактики и информационного противодействия деструктивному контенту и девиантным видам поведения в цифровой среде.

Обсуждение и результаты

Понятие кибердевиации

В самом понятии кибердевиации заключена проблема, которую оно наследует от материнского понятия «девиация». Дело в том, что девиация зачастую интерпретируется, исходя из релятивистского подхода. Большая часть исследователей определяет девиацию как отклонение от социальных норм, общепринятых в конкретном социуме, социальной группе или неофициальном сообществе (Гилинский, 2004, с. 9; Змановская, 2021, с. 17; Менделевия, 2005, с. 10). При этом подразумевается в качестве априорной установки, что само по себе действие не обладает качествами девиантности, но приобретает его в конкретном социокультурном контексте и конвенциальных представлениях о том, что является приемлемым/недозволенным в глазах общественности. К примеру, корифей отечественной девиантологии Я. Гилинский утверждает: «Те или иные виды, формы, образцы поведения “нормальны” или “девиантны” только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время (“здесь и сейчас”)» (Гилинский 2004, с. 10). Это означает, что сами нормы, лежащие в основе социального взаимодействия, исторически изменчивы, они «создаются, поддерживаются и продвигаются, иногда конкурируя друг с другом» (Clinard, Meier, 2008, p. 7), что влияет на социальное конструирование идеи девиантности.

В своей крайней точке релятивистская позиция, как нам представляется, получает свое развитие в теории «навешивания ярлыков» (labeling theory), согласно ведущей идее которой девиантом становятся не из-за специфических действий, но из-за реакции социального окружения, которое, исходя из стереотипов и предубеждений, навешивает подобный «ярлык» индивиду, тем самым наделяя его качествами ненормативности и маргинальности (Becker, 1973).

Понятие кибердевиации приобретает эту неопределенность от исходного термина. К тому же в данном случае добавляются новые неразрешенные проблемы, связанные с той средой, где проявляются подобные девиации. В отличие от девиантного поведения, которое имеет место в реальном социуме, кибердевиации проявляются в квазисоциальном пространстве, опосредованном цифровыми техническими устройствами. Эта среда может именоваться по-разному, например киберпространством, цифровой средой или же виртуальной реальностью, поскольку ее теоретическая фиксация и характеристика создают определенные методологические сложности.

Особенности киберпространства усложняют определение нового типа девиации. Возникает хотя бы такой банальный вопрос: отклонением от какой нормы являются девиации в киберпространстве? Если исходить из той позиции, что эту норму должно определять сообщество, в котором проявляется девиация, то это сообщество по своей сущности виртуальное. А нормы и этические рамки в цифровой среде могут существенно отличаться от тех, что приняты в обычных сообществах. Зачастую они более хаотизированы и лабильны. Более того, если считать, что нормы всегда связаны и «цементируются» коллективной идентичностью, то картина усложняется еще больше, поскольку онлайн-сообщества – это зачастую крайне эфемерные и слабо структурированные множества взаимодействующих в киберпространстве индивидов.

Если учесть, что в современной социологии и социальной теории довольно распространено убеждение о том, что в условиях социальной турбулентности и неустойчивости институциональной основы общества (Бауман, 2008; Иванов, 2000) лабильная идентичность индивидов становится нормой, а некоторые зарубежные теоретики (Booth, 2007) активно девальвируют традиционные формы социальных связей, можно убедиться в том, что тенденцией виртуализации охвачена привычная нам социальная реальность. К примеру, К. Бут (Booth, 2007) в качестве наиболее перспективного и соответствующего запросам современного человека выставляет «эмансипационное сообщество» (emancipatory communities), противопоставляемое традиционным «локальным сообществам» (locality communities) и частично «ценностным сообществам» (value communities) – основанным на локальных и соседских связях в едином пространстве или же общих ценностях

и этических взглядах на образ жизни. Такой тип сообществ оторван от какой-либо привязки к пространству и географии, какому-либо социальному признаку (раса, нация, класс и др.) и построен на признании естественности множества идентичностей, возможности одновременного присутствия в различных сообществах, выражая «многогранную жизнь» индивида (Booth, 2007, p. 138). Как мы можем заметить, пропагандируемый тип сообщества подозрительно близок феномену виртуальных сообществ, позволяющих легко варьировать идентичность и осуществлять переход от одной слабо связанной группы к другой.

Авторы монографии, в которой подробно разбираются основные подходы в девиантологии, рассматривают альтернативный релятивистскому пониманию девиации так называемый «абсолютистский» подход (Clinard, Meier, 2008). Его отличия они видят в том, что здесь в качестве точки отсчета берется не норма (которая не имеет универсального характера, к тому же она подвижная и изменчивая), но ценность. Ценности определяются как «долгосрочные, желаемые состояния, такие как здоровье, справедливость и социальное равенство» (Clinard, Meier, 2008, p. 8). При этом они «представляют собой общую ориентацию поведения, не предписывающую конкретного поведения» (Clinard, Meier, 2008, p. 8). Авторами, которые придерживаются абсолютистской позиции, предполагается, что в обществе есть базовый набор правил, основанных на ценностных ориентациях, который является общепризнанным и само собой разумеющимся. Выход за границы этих базовых правил воспринимается как девиация.

В изложенной концепции попытка ухода от релятивизма в трактовке девиации и девиантного поведения осуществлена лишь частично. В итоге инстанцией, которая определяет «норму» и отклонение от нее, выступает общество, которое лишь наделяется врожденным коллективным чувством (интуицией) «правильного» и «осуждаемого».

Очевидно, что проблема критериев определения границ девиации на методологическом уровне упирается в противостояние двух онтологических подходов к интерпретации социальной реальности – социальному номинализму и социально-онтологическому реализму (Франк, 1992). Если исследователь находится на первой позиции, девиация неизбежно превращается в исключительно социально конструируемый феномен. По всей видимости, более прочную почву в определении координат «нормативности» и «девиантности» предоставляет второй подход, при условии его ограниченной применимости: помимо признания «отклонений», общих для человеческой природы, следует также принять как факт существование сегмента вариативных девиаций, признаваемых только в конкретном социокультурном контексте.

Вопрос о том, в чем заключается специфика кибердевиаций, по всей видимости, предстоит раскрыть во всей полноте в будущих исследованиях, которые смогут отследить дальнейшее развитие уже заложенных тенденций. Но уже сейчас можно сказать, что кибердевиации моделируют и отражают социальные интеракции, но в искаженном, а иногда в гипертрофированном виде. Кибердевиантное поведение обладает особенностями, связанными со своеобразием моделируемого цифровыми устройствами киберпространства.

Авторы обзорного исследования имеющихся направлений изучения онлайн-девиаций пришли к выводу, что девиантность и онлайн-девиантность – это «взаимосвязанные явления», которые тем не менее «могут быть объяснены с помощью различных теоретических подходов» (Cioban, Lazar, Bacter et al., 2021, p. 21). В чем различие между феноменами? Те же авторы отмечают, что онлайн-сфера представляет собой относительно автономное пространство, которое, в частности, «углубляет существующее социальное неравенство, усиливая различия, связанные с социальным статусом» (Cioban, Lazar, Bacter et al., 2021, p. 21). Помимо этого, еще несколько лет назад исследователями отмечалась тенденция появления новых форм деструктивного и аутодеструктивного поведения, «которые могут быть проявленными исключительно в виртуальных пространствах» (Солдатова, Чигарькова, Дренёва и др., 2019, с. 15-16), что означает высокую степень автономии девиантного поведения в онлайне от процессов, происходящих в реальном социуме.

Возвращаясь к вопросу о расплывчатости понятия «кибердевиация» приведем один характерный пример. Семантическое содержание понятия кибердевиаций может довольно широко варьироваться, что иногда приводит к курьезным определениям. К примеру, в узкоспециализированном социологическом исследовании в контексте анализа организационной культуры и «девиантного использования информационных технологий» кибердевиация определяется как «сознательное использование информационных технологий (IT) на рабочем месте, которое противоречит явным и неявным нормам организации и угрожает благополучию организации и/или ее членов» (Venkatraman, Cheung, Lee et al., 2018, p. 1061). При этом среди различных видов подобного поведения выделяется категория «низкие технические навыки», к которой отнесены такие виды «девиаций», как «распространение слухов и сплетен о коллегах в электронном виде», «громкое воспроизведение музыки на компьютерах», «игра в компьютерные игры» и пр. (Venkatraman, Cheung, Lee et al., 2018, p. 1075). Данный случай Мачанде А. Д. и ее соавторы справедливо относят к «семантической инфляции» (авторство термина принадлежит N. Haslam (2016)), которая «изменила оригинальное значение термина и привела к путанице и чрезмерности в литературе» (Machande, Smith, Joinson, 2025, p. 1).

Для теоретического упорядочивания и внесения большей ясности в вопрос о многообразных проявлениях кибердевиаций исследователями неоднократно предпринимались попытки осуществления их классификаций и типологий.

Типология кибердевиаций

Проблема описания всех возможных форм и проявлений кибердевиаций выливается, как и в случае девиантности в реальном социуме, в разнообразные попытки подразделить «ненормативное» поведение

на ряд «таксономических» единиц. Следует отметить, что значительная часть ведущихся исследований (Cioban, Lazar, Bacter et al., 2021, p. 3; Brewer, Whitten, Logos et al., 2023, p. 2047) концентрирует внимание ученых именно на девиантном поведении в онлайне, которое воспринимается как опасное и вредное по своим последствиям. При такой коммуникации одна из сторон выступает субъектом агрессивного и манипулятивного поведения, направленного на другую сторону, которая выступает в качестве жертвы обмана, кражи данных, онлайн-«насилия» или морального унижения. Одна из самых популярных среди экспертов форма кибердевиаций – это кибербуллинг. Об этом, в частности, свидетельствуют авторы большого обзора научных публикаций по нашей проблематике (Cioban, Lazar, Bacter et al., 2021, p. 4). Несмотря на целый массив все увеличивающихся публикаций в данном направлении, упорядочивание различных кибердевиаций и объединение их в логически определенные группы представляет непростую задачу.

Характерен факт, что одна из оригинальных обобщающих типологий кибердевиаций отталкивается от имеющихся классификаций киберпреступлений, что недвусмысленно свидетельствует о доминировании исследовательского внимания в области киберпреступности и запаздывании разработки проблематики кибердевиаций (более широкого и емкого понятия). А. Д. Мачанде с коллегами (Machande, Smith, Joinson, 2026) предложила, на наш взгляд, довольно удачную типологию кибердевиаций, состоящую из трех кластеров. Первый кластер – «дата-ориентированный». В него включены любые действия, связанные с незаконным получением или саботажем данных: DDoS-атаки, программы-вымогатели, утечка данных, хакерские атаки, фишинг и кибершпионаж. Второй кластер получил наименование «межличностного», поскольку аккумулирует такие виды девиантного поведения в киберпространстве, как кибербуллинг, обман на романтической почве, язык ненависти в онлайне, кибергруминг, слежка за устройством партнера, кража личных данных и др. Третий кластер представляет «непрототипическую» девиантность. Сюда попадают различные гетерогенные девиации, которые невозможно включить в первые два кластера: продажи в Даркнете, нелегальный стриминг, зависимость от онлайн-игр (excessive online gaming).

Большинство других исследований, особенно в отечественной девиантологии (Змановская, 2021; Богданович, Делибалт, 2024), склонно к перечислению разнообразных форм кибердевиантного поведения при недостаточной их структурированности и неглубокой проработке классификации. Однако если отойти от традиционного подхода, продолжающего концентрировать внимание на отдельных девиациях, причем понимая их как форму поведения, можно значительно расширить поле исследования.

Цифровая девиантология не должна полностью уходить в одно, пусть и востребованное, направление исследований. Ее предмет гораздо многогранней. Если исследовательское внимание сместить с индивида и его ненормативного поведения («девиантное поведение»), в поле зрения попадают групповые организационные формы и дискурсивные практики. Об этом, в частности, говорит Е. В. Змановская (2005, с. 44): при переходе с уровня индивидуально-личностного девиантность может перерасти в групповые девиации и девиантную субкультуру и даже девиантность культуры.

Перспективные направления цифровой девиантологии

Виртуальные сообщества, репрезентирующие и транслирующие девиантно-деструктивный контент в социальных сетях, следует определить как не менее важный предмет, нежели индивидуальные поведенческие паттерны. Их онтологический статус может дискутироваться (виртуальное сообщество менее устойчиво и функционирует по собственным закономерностям в отличие от реальной социальной группы), но влияние на цифровую аудиторию несомненно: такие сообщества занимают свое место в киберпространстве и организуют регулярное медиапотребление определенного рода контента, вызывая у целевой аудитории эмоционально-психологические реакции и влияя на ее когнитивные установки, ценностное мировосприятие и др.

Виртуальные сообщества в киберпространстве могут анализироваться в нескольких ракурсах. *Первый ракурс* – это исследование самих онлайн-сообществ, особенностей их структурирования, социодемографического профиля участников, сетевых связей между пользователями и другими сообществами. Основным предметом в данном случае выступает онлайн-сообщество как часть социально-виртуальной среды (особенности его функционирования и структурирования). В качестве ведущего метода исследования выступает социально-сетевой анализ.

Второй ракурс исследования виртуальных сообществ – это анализ того девиантно-деструктивного дискурса, который они транслируют. Основным методом здесь выступает контент-анализ, в рамках которого возможно тематизировать контент, выделять в нем ведущие нарративы, изучать особенности дискурсивных практик, нацеленных на коммуникацию с цифровой аудиторией. Контент девиантных сообществ может быть идеологизированным или аполитичным, условно «развлекательным» или же крайне эпатажным (шок-контент). Данный ракурс исследования позволяет построить обширные классификации и проводить компаративные исследования дискурсивных практик.

Следует отметить, что среди различных методологий дискурс-анализа популярность приобретает мультимодальный анализ (O'Halloran, Tan, Wignell et al., 2017; Forchtner, Kølvraa, 2017), который ориентирован на охват всех возможных форм семиотической репрезентации контента и проведение его системного анализа. В поле исследования в русле данного подхода попадают не только лингво-текстуальные данные, но также детально рассматриваются визуальные образы, видео- и аудиоконтент. Что касается структурного анализа контента, то апробируются такие концепты, как «визуальная грамматика», «визуальный синтаксис» и пр.

Интегрированные данные и полученные знания о виртуальных сообществах позволяют поставить вопрос о существовании и закономерностях развития цифровых субкультур. Девиантные онлайн-субкультуры уже давно привлекают внимание исследователей, в частности, на примере сообществ, распространяющих девиантную виртуальную субкультуру Колумбайн* (Raitanen, Oksanen, 2018; Никишин, 2022).

При эмпирическом описании, социологическом и культурологическом анализе цифровых субкультур возникает проблема размытости границы между деструктивно-девиантным контентом и специфическим развлекательным контентом с элементами девиантности. Здесь следует подчеркнуть, что в условиях современной массовой культуры и развитых технологий манипуляции общественным мнением вся молодежная культура оказывается проникнута девиантными мотивами и отдельными атрибутами девиантности. Поэтому для более глубокого теоретического понимания сущности кибердевиаций исследования в этой междисциплинарной области должны интегрировать результаты изучения онтологических характеристик виртуальной реальности, антропологических последствий взаимодействия человека с цифровой средой и информационными технологиями (с позиции философии, теоретической социологии и других наук социально-гуманитарного цикла).

Еще одним из направлений возможных и крайне перспективных исследований кибердевиаций может быть изучение сложных и неоднозначных взаимодействий человеческого интеллекта и машины в виде так называемого «искусственного интеллекта». Стремительное внедрение новых нейросетевых технологий и их последствий еще только начинает рефлексироваться в научной литературе. Подлинный масштаб и характер влияния искусственного интеллекта на человека еще не определен и не просчитан. Между тем, уже имеющийся опыт «общения» между человеком и нейронными сетями и предварительные концептуальные констатации позволяют обозначить несколько принципиальных аспектов в этом процессе и предварительно зафиксировать некоторые характерные тенденции.

«Цифра» в форме формализованных математических понятий и методов исчисления объектов физической реальности всегда была частью традиций цивилизованных обществ. Там, где цифра остается достоверной и не искажается ни социокультурными, ни онтологическими, ни духовными основаниями, где она выглядит как явление само по себе, ей можно, безусловно, доверять. Использование математических исчислений в социальном, экономическом, юридическом пространстве при сохранении чистоты методологии и научности означает верифицируемость цифры.

Однако периодически цифра представляла своего рода феномен, который подлежал различного рода искажениям. В глубинном историческом контексте она была многократно искажена и редуцирована под интересы того или иного социокультурного пространства, религии, философских учений, жизненных обстоятельств. К искажениям цифры можно отнести соединение математики и мистицизма, манипулирование математическими расчетами в угоду «пророческим» предсказаниям. Но все исторические эпохи до современности знали лишь слабые варианты искажения цифры, сводившиеся к тому, что цифра начинает выполнять своего рода магическую или мистическую функцию. Сейчас же мы наблюдаем уже девиантные искажения цифры совершенно иного уровня, воплощающиеся в работе человека с искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект из безусловного помощника человека превращается в особого рода манипулятивные аспекты воздействия на него. Когда свои фундаментальные антропологические функции человек как бы делегирует искусственному интеллекту, мы получаем сложные девиантные отношения между человеком и цифровой реальностью. Современный человек порой начинает воспринимать искусственный интеллект как сверхчеловека почти в ницшеанском плане. Он становится инстанцией, которая аккумулирует в себе все возможные «знания», и чуть ли не узурпирует функции Бога. Своеобразная форма коммуникации между человеком и машиной может приводить к психическим расстройствам, а также к утрате рационального мышления, утрате субъектности и внутренней человеческой способности сомневаться и критиковать.

В настоящее время в исследованиях девиаций и кибердевиаций доминирует социологический подход, а следом за ним идут психология и криминология. Это подтверждают результаты обзорного исследования литературы по тематике подростковых девиаций и кибердевиаций (Cioban, Lazar, Bacter, Hatos, 2021). Авторы исследования обнаружили подавляющую долю социологических исследований в массиве специализированной литературы (488 публикаций); на втором месте – публикации в области психологии (143 статьи); на третьем месте – криминологический анализ (131 статья). Социальные науки вместе с исследованиями в области образования, коммуникаций, религии и др. составили 117 статей.

Авторитетные отечественные представители классической девиантологии склонны к тому, что, признавая изначально междисциплинарный характер девиантологии, все же считать данную область либо специализированной отраслью социологии (Гилинский, 2004), либо частью юридической психологии (Змановская, 2005). В нашем же скромном рассмотрении вопроса проводится мысль о том, что с возникновением феномена кибердевиаций, которые проявляют себя в новой социально-виртуальной (или цифровой) среде, давно назрела задача выделить цифровую девиантологию в относительно автономную область знания, междисциплинарную по своему содержанию и не привязанную к «родительской» дисциплине. При этом важно усилить в ней философско-теоретическую составляющую (установление прочных связей с исследованиями виртуальной реальности, цифровой культуры, виртуальных субкультур, философско-антропологических аспектов современных социокультурных явлений и процессов) (Костоломова, 2020) и акцентировать внимание на деятельности виртуальных сообществ, транслируемого ими дискурса и проблемах взаимодействия человека с искусственным интеллектом.

Отчасти данная позиция уже получила отражение в научной литературе. К примеру, можно привести суждение уже цитируемых нами авторов: «Наше исследование подчеркивает необходимость рассмотрения

множества теоретических объяснений, поскольку ни одна теория не может всесторонне описать все аспекты кибердевиантности. Интегрируя все аспекты, наш подход углубляется в пересечение различных теорий, обеспечивая целостное понимание кибердевиантности» (Machande, Smith, Joinson, 2026, p. 15).

Заключение

Проблема определения кибердевиации упирается в вопрос об онтологическом статусе феномена. Риск полной утраты стабильной точки отсчета в определении нормы и отклонения в киберпространстве усугубляется тем, что виртуальные сообщества – это квазисоциальные, эфемерные множества индивидов, а нормативность поведения в онлайн-среде еще более лабильна, нежели в реальном социуме. В киберпространстве девиантные наклонности человека могут проецироваться и приобретать своеобразные (модифицированные) и более интенсивные проявления. Различные теоретико-методологические подходы к пониманию сущности девиации можно свести к двум основным – релятивистской и абсолютистской позициям. По всей видимости, избежать полной релятивности в понимании как девиаций, так и кибердевиаций, возможно, только приняв в качестве точки отсчета наличие неких универсальных критериев девиантности (исходя из парадигмы социально-онтологического реализма) с учетом вариативности частных социокультурных проявлений в конкретных обществах и социальных общностях.

Рассмотрение проблемы типологии кибердевиаций показывает, что на данном этапе исследований тема разновидностей кибердевиаций еще недостаточно отделена от более развитой области цифровой криминологии (и типологии киберпреступлений), а значительная доля исследований концентрируется на простом эмпирическом описании всевозможных проявлений кибердевиантного поведения при слабой теоретико-методологической разработки феномена кибердевиаций.

Теоретические подходы, свойственные классической девиантологии, требуют пересмотра в свете специфических особенностей киберпространства и новых форм девиаций, которые проявляются в этой среде. В качестве наиболее перспективных направлений цифровой девиантологии представляются такие области исследования, как закономерности развития девиантных виртуальных сообществ и анализ транслируемого ими дискурса, а также проблемы взаимодействия человека с искусственным интеллектом, провоцирующие новые девиации (когнитивные искажения, утрата субъектности и др.).

Наш краткий обзорный анализ состояния проблематики феномена кибердевиаций показывает, что научная рефлексия едва поспевает за стремительным изменением жизни человека и социума в условиях внедрения новых информационных технологий. Быстрое накопление нерешенных теоретических проблем и прикладных задач, связанных с экспансией виртуального в сферу человеческих взаимоотношений и новыми формами девиантной активности в киберпространстве, свидетельствует о необходимости обоснования новых отраслей социально-гуманитарного знания.

Дальнейшие перспективы исследований связаны с превращением становящейся цифровой девиантологии в отдельную отрасль, относительно автономную от классической девиантологии в сфере исследовательского поля и методов исследования. При этом в ней следует выделить как теоретическую, так и прикладную части, поскольку цифровые искажения социальной и индивидуально-личностной жизни требуют как фундаментального теоретического объяснения (при усилении философско-теоретических оснований), так и решения чисто прикладных задач.

Примечания: * – международное террористическое движение, запрещенное в России.

Источники | References

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. А. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
2. Богданович Н. В., Делибалт В. В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи. Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204
3. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
4. Змановская Е. В. Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. Т. 1. № 1. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
5. Змановская Е. В. Теоретико-методологическое обоснование девиантологии как междисциплинарной науки и общей теории юридической психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28-2).
6. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
7. Костоломова М. В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302
8. Менделевия В. Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005.
9. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148

10. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие. М.: Когито-Центр, 2019.
11. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
12. Becker H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. N. Y.: Free Press, 1973.
13. Booth K. Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
14. Brewer R., Whitten T., Logos K., Sayer M., Langos C., Holt T. J., Cale J., Goldsmith A. Examining the Psychosocial and Behavioral Factors Associated with Adolescent Engagement in Multiple Types of Cyberdeviance // Australian Study Journal of Child and Family Studies. 2023. № 32. https://doi.org/10.1007/s10826-023-02586-0
15. Cioban S., Lazar A. R., Bacter C., Hatos A. Adolescent Deviance and Cyber-Deviance. A Systematic Literature Review. Front. Psychol. 2021. Vol. 12. Article 748006. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006
16. Clinard M. B., Meier R. F. Sociology of Deviant Behavior. Belmont: Wadsworth Cengage Learning, 2008.
17. Forchtner B., Kølvraa Ch. Extreme right images of radical authenticity: Multimodal aesthetics of history, nature, and gender roles in social media // European Journal of Cultural and Political Sociology. 2017. Vol. 4. No. 3.
18. Haslam N. Concept creep: Psychology's expanding concepts of harm and pathology // Psychological Inquiry. 2016. Vol. 27. No. 1. https://doi.org/10.1080/1047840X.2016.1082418
19. Machande A. D., Smith L. G. E., Joinson A. Development and testing of a dimensional typology of cyberdeviance // The Information Society. 2026. Vol. 42. No. 1. https://doi.org/10.1080/01972243.2025.2571087
20. O'Halloran K. L., Tan S, Wignell P., Lange R. Multimodal Recontextualisations of Images in Violent Extremist Discourse // Advancing Multimodal and Critical Discourse Studies: Interdisciplinary Research Inspired by Theo Van Leeuwen's Social Semiotics / eds. S. Zhao, E. Djonov, A. Björkvall, M. Boeriis. L. – N. Y.: Routledge, 2017.
21. Raitanen J., Oksanen A. Global Online Subculture surrounding School Shootings // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62. No. 2. https://doi.org/10.1177/0002764218755835
22. Venkatraman S., Cheung C. M. K., Lee Z. W. Y., Davis F. D., Venkatesh V. The 'Darth' Side of Technology Use: AnInductively Derived Typology of Cyberdeviance // Journal of Management Information Systems. 2018. Vol. 35. No. 4.

Финансирование | Funding

RU Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по Госзаданию № 126040719808-4 от 07.04.2026.

EN This article was prepared within the framework of a research project under State Assignment No. 126040719808-4 dated April 7, 2026.

Информация об авторах | Author information

RU
Чудинов Сергей Иванович[1], к. филос. н., доц.
Соина Ольга Сергеевна[2], д. филос. н., проф.
[1, 2] Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск

EN
Sergey Ivanovich Chudinov[1], PhD
Olga Sergeevna Soina[2], Dr
[1, 2] Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk

[1] *shkola-mysli@mail.ru,* [2] *soina-os@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.05.2026; опубликовано online (published online): 30.06.2026.

Ключевые слова (keywords): кибердевиации; цифровая девиантология; девиантные онлайн-сообщества; деструктивный контент; социально-философские аспекты искусственного интеллекта; cyber-deviations; digital deviantology; deviant online communities; destructive content; socio-philosophical aspects of artificial intelligence.